

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ И МИРЯНЕ О ЯЗЫКЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ

На новостных сайтах

На каком языке следует сегодня совершать богослужение — на русском, церковнославянском или каком-то другом? На этот вопрос попытались ответить несколько священнослужителей Русской православной церкви.

Как известно, споры о языке богослужения не смолкают и в Русской церкви: церковнославянский почти так же полупонятен современному русскому, как язык греческого богослужения — современному греку. Сторонники перевода богослужения упирают на то, что участие в богослужении должно быть осмысленным; противники указывают на неизбежные в переводе смысловые и эстетические потери.

«Признаете ли Вы, что в Русской церкви существует проблема языка? Как, по Вашему, она должна решаться? Делается ли что-нибудь в этом направлении?» — с такими вопросами корреспондент REGIONS.RU обратился к православным священнослужителям.

Протоиерей Борис Михайлов, настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в Филях, считает, что проблема богослужебного языка, безусловно, существует.

«Со всей остротой она была осознана еще в XIX веке. Попытки решить эту проблему предпринимались и на подготовительном этапе, и на самом Поместном соборе 1917–1918 гг. Но по известным причинам деяния собора остались незавершенными. А в наше время эта проблема стала еще более актуальной», — сказал он.

«Делаются уже и конкретные шаги к тому, чтобы богослужение стало более понятным. Я, например, читаю Евангелие и на церковнославянском, и на русском языке. И это очень помогает в проповеди», — рассказал отец Борис.

«Безусловно, церковнославянский язык является одним из важнейших элементов великой культуры. Это святыня Церкви, и никто его значение не умаляет. Но если мы провозглашаем открытость Церкви, если мы идем навстречу людям, то, думаю, в богослужении нужно найти место и для современного русского языка», — заключил протоиерей.

Протоиерей Александр Борисов, настоятель храма святых Космы и Дамиана в Шубине, также отметил, что проблема богослужебного языка существует и в России, как в Греции.

«Эволюция языка всегда шла в сторону лучшего изъяснения смысла. Мы это увидим хотя бы на примере различных изданий Евангелия. Чем ближе к нашему времени, тем больше элементов современного разговорного языка», — сказал он.

«Мне кажется, доля современного русского языка и в богослужении будет постепенно увеличиваться. Вернее, более интенсивным станет процесс русификации церковнославянского языка. И говорить, по-моему, надо не столько о переводе богослужебных текстов на современный русский язык, сколько именно о русификации. Но происходить это должно постепенно, не вызывая конфликтов. В некоторых приходах, я думаю, допустимы некие экспериментальные формы, а в монастырях, видимо, логичней придерживаться строгой традиции», — считает протоиерей.

«Несомненно, что это одна из тех проблем, решение которой значительно увеличило бы число людей, посещающих храмы», — заключил он.

Протоиерей Максим Козлов, настоятель домового храма МГУ, отметил, что отрицать наличие языковой проблемы бессмысленно.

«Достаточно опросить людей, присутствовавших на богослужении, что они из него вынесли и как много поняли», — заметил он.

«Другое дело, что решение этой проблемы — не совсем в плоскости перевода. С одной стороны, нужно, чтобы богослужебные тексты пелись и читались с достаточной степенью адекватности и понятности. С другой стороны, верующие должны быть обеспечены достаточным количеством вспомогательных изданий, в том числе и с параллельными текстами, что, кстати, делается уже во многих приходах», — считает отец Максим.

«Но необходимо учесть, что эта проблема во многом обусловлена самой психологией восприятия богослужения, сформировавшейся у большей части народа. Многие и не стремятся к участию в общественном богослужении как в совместной молитве, но воспринимают его как фон для собственных молитвенных устремлений и медитаций. Поэтому задача, по-моему, заключается не в изменении языка. Это задача многолетняя и чрезвычайно трудная и с богословской, и с литургической, и с филологической точек зрения. Нужно изменить наш общецерковный подход к богослужению как к чему-то, что нужно «отстоять» и «отбыть». В этом направлении нужны усилия и духовенства, и сознательных мирян», — заключил он.

Протоиерей Александр Ильашенко, настоятель храма Всемилоостивого Спаса бывшего Скорбященского монастыря на Новослободской, считает, что дискуссии о богослужебном языке вызваны обычно не беспокойством о реальных интересах Церкви или паствы, а недостатком образования.

«На мой взгляд, замена церковнославянского языка современным русским окажется губительной и для богослужения, и для Церкви в целом. Богослужебный язык должен быть особым языком. Он должен быть никакого смещения возвышенного с разговорной речью — как, например, недопустимо использование богослужебных сосудов в обычной трапезе», — категорично заявил он.

«На примере же католичества мы видим, что замена богослужебной латыни на современные языки привела к мощному оттоку верующих. Единный богослужебный язык является мощным объединительным началом для верующих разных национальностей», — напомнил отец Александр.

«Мне кажется также, что легче научить людей церковнославянскому языку, чем пытаться вносить в него какие-то изменения извне, рискуя разрушить, я бы сказал, его мистические связи с богослужением. Я бы не стал выносить столь специфическую тему на широкое обсуждение, но призываю всех к освоению богатств церковнославянского языка», — заключил протоиерей.

Игумен Мелетий (Соколов), преподаватель Московской духовной семинарии, особой проблемы в богослужении на церковнославянском не видит.

«Да, тот, кто недавно пришел в Церковь, не все понимает из того, что поется и читается в храме. Но это другая проблема, обусловленная, в том числе, и прерыванием традиции», — считает он.

«Церковнославянский язык — это один из функциональных стилей русского языка, предназначенный именно для церковного богослужения. На протяжении всей его истории происходит внутренняя коррекция, обусловленная развитием самого языка и взаимодействием с другими функциональными стилями. И это естественный процесс. Церковнославянский меняется так же, как и современный разговорный язык, но это различные формы одного языка, предназначенные к использованию в разных сферах жизни, сакральной и профанной. Поэтому и не должно переводить богослужение на современный разговорный язык», — заключил отец Мелетий.

Источник: Богослов.ру

В блогах

rev_agafangelos:

«ЦСл воспринят церковной традицией и является ее неотъемлемой составляющей, а русский — нет».

Это важный аргумент — один из трех: 1. Это сакральный язык Богообщения (псевдобогословский аргумент).

2. Мне нравится ЦСЯ и не нравится, как звучат молитвы на русском. Там так красиво не получится (эстетический аргумент).

3. ЦСЯ воспринят традицией, а значит, его нельзя трогать. На нем молились святые и ничего не изменяли, а значит, и нам не следует этого делать (охранительный аргумент).

Для верного отношения к вопросу языка частной молитвы и общественного богослужения, в русле евангельской традиции, думаю, что хорошо бы было осознать, где именно евангельская, вечная традиция, а где — человеческая, преходящая. Если не сакрализован музыкальный и художественный язык богослужения и в двух соседних храмах могут в одном петь Веделя среди живописных икон, а в другом — знаменный распев среди византийских ликов (а бывает и наоборот — партес среди рублевских), то — почему сие невозможно и в отношении словесной части службы?

Является ли традиция употреблять для молитвы средневековый специализированный диалект древнеславянского — вечной, непреходящей традицией, не подлежащей изменению, или вопрос, на самом деле, больше эстетический и человеческий (т.е. преходящий и изменяемый)?

Ниже мы публикуем наиболее интересные из 208 комментариев, существующих на день отправки нашего номера в печать (все они относятся к промежутку 24 апреля — 26 апреля 2010 г.) — ред.

ben_haadam: Конечно же, не является. Главное, что русский язык должен вводиться осторожно, с поправкой на немалое количество прихожан. И всегда должна оставаться альтернатива.

seminarist_mp: Пока у нас на серьезном уровне могут вестись дискуссии о, например, сакральности или особенности ЦСЯ языка, то я буду делать вывод, что этот серьезный уровень или эти «серьезные богословы» — просто неучи и обрядоверы.

Аргумент номер 2: я бы проводил экзамены на понимание, в т.ч. среди священников. Если бы сдавали на 5 — молитесь, пожалуйста, на ЦСЯ. Если нет — не надо ради красоты жертвовать смыслом. По такой логике, вообще надо молиться на греческом или латыни — куда красивее.

Третий аргумент: у нас церковь традиций? Святых? Или все-таки Христова святая, соборная и апостольская Церковь?

От вопроса, победит ли обряд и традиция или здравый смысл, зависит вопрос выживания нашей Русской Православной Церкви. Не православия, а именно нас. Народу нужна проповедь с крыш, а мы ему ничего почти не даем ☺

Кстати, прекрасным аргументом в пользу «обновленцев» (ха-ха) и сторонников русского является то, что Сам Иисус Христос молился на армейском, т.е. понятном всем, «вульгарном» (от «вулгус» — народ) языке.

И еще. Хотелось бы, конечно, чтобы любое из решений — быть ЦСЯ или не быть — проводилось в добровольном порядке, на уровне выбора общиной, но не в принудительке.

Пусть те, кто хотят ЦСЯ, молятся на ЦСЯ, а кто хочет русского — на русском.

vladimi_r: Чем дольше вы, православные, будете держаться за свой ЦСЯ, тем легче нам, протестантам, будет с вами конкурировать ☺

seminarist_mp: Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно. За семь

лет в моей епархии открыты 4 молебных дома адвентистов. А 7 лет назад все началось с десятка adeptов этой секты.

Но протестант протестанту рознь — Рай-та я, например, готов расцеловать!)

ivan2907: Что можно получить в итоге, знаю — во Владимирском храме Киева УПЦ КП богослужение ведётся на церковноукраинском языке — мне, русскому, было почти ничего непонятно.

А про язык разговоры ведутся не одно тысячелетие — человек всегда отделял предметы для пользования в миру и для пользования в Церкви — это чаша для Причастия, эта — для чаепития, эти деньги для обращения в мире, а эти — для жертвы Богу (в Храме Израиля), это картины, а это — иконы, есть вульгарный (простонародный) русский, а есть — церковнославянский только и только для молитв к Богу (похожее использовали, кажется, и иудеи в виде священного языка). Это естественно, когда человек обособляет ту или иную вещь/предмет для Церкви.

seminarist_mp: Да, все так.

Проблема здесь в том, что тогда Церковь и религия выходят частью жизни, которая утешает, успокаивает совесть и проч. Но в идеале все должно быть иначе. Церковь и религия, богообщение, — не часть жизни, но сама жизнь. Каждый вздох и слово могут быть молитвой или богохульством.

Разделить свою жизнь на 2 неравные части, одну (разумеется, меньшую) отдав Богу, а другую — оставив себе, живя в ней как хочется. Да, так мы и живем, так и делим.

Я думал об этом у себя в дневнике.

we_love_life: лично для меня цся — дополнительный барьер, который стоит на пути моего вхождения в церковь. Дальше можно рассуждать о пользе от этого барьера (ограждает от «лишнего» народу; заставляет «больше ценить» то, что внутри барьера, и т. д.), о пользе для меня лично сделать над собой усилие и выучить цся, но факт остается фактом — барьер есть.

И здесь такой вопрос возникает — вот стоит вместе со мной на литургии, скажем, человек двести в храме. Я один такой, который со слуха не понимает текст литургии (за исключением знакомых кусков), а все остальные понимают — или есть такие, как я, только стесняются признаться?

Хотя мне бы хватило нормального русского «подстрочника», потому что, думаю, на моем веку все равно цся останется ☺

rev_agafangelos: В нашем приходе существует традиция общего пения тех богослужебных текстов, которые звучат постоянно на службе (т. е. не изменяются в зависимости от дня и праздника).

Я сделал распечатку, где существует и тот самый «подстрочник», для лучшего понимания. Эти брошюры лежат в храме (их штук 20 там), и любой человек может взять их и на ходу, тут же посмотреть, что значит то или иное непонятное место в службе.

a_lisovaya: ЗдрОрово! Ну вот почему это не применится повсеместно? Это ведь совсем простые, начальные, элементарные, замечательные всем доступные моменты...

we_love_life: если бы такое делалось в тех храмах, куда я хожу, я был бы счастлив

orhidea777: Я за то, чтобы Церковь могла по максимуму быть доступной людям. Мне цсл нравится больше, но пусть это останется в обиходе монастырей. В миру должно быть движение к людям, а то можно остаться в эстетическом эгоистическом одиночестве.

Протестанты в этом имеют огромнейшую фору.

Не подстраиваться нужно, а на опережение действовать, жить в современных реалиях.

«НЕ НАДО ОТРЫВАТЬСЯ ОТ КОРНЕЙ»

Проф.-свят. Георгий Кочетков о языке богослужения

Вопросы, заданные на сайте Regions.ru в связи с вопросом перевода богослужения на русский (см. с. 1) (а вместе с ними и другие вопросы, связанные с этой темой) мы решили задать ректору Свято-Филаретовского института проф.-свят. Георгию Кочеткову, давно уже на практике осуществляющему дело перевода богослужебных текстов на русский литургический язык.

— Признаете ли Вы, что в Русской церкви существует проблема языка? Как, по Вашему, она должна решаться? Делается ли что-нибудь в этом направлении?

Свят. Георгий Кочетков: Эти вопросы почти риторические. Конечно же, всей историей нашей церкви уже показано и доказано, что эта проблема существует. Это понимает любой здравомыслящий человек. Отрицать эту проблему — значит просто ни о чем не думать, не иметь ни пастырской, ни личной ответственности пред Богом, не радеть о законе молитвы церкви. Православная церковь даже противопоставляла себя одно время Католической в том, что они, мол, служат на языке непонятном, а мы служим везде на понятном. Но прошли века, и понятный когда-то язык становился все более и более для православных непонятным. Католики решили этот вопрос радикально и просто — только в пользу современных языков, что не могло не породить разных затруднений и неприятностей. А надо было бы решать его более плавно и мягко. Однако, теперь они сделали и то, и то: они разрешают желающим служить на латинском и использовать все современные языки в богослужении.

Нам надо учитывать собственную традицию, опыт других христианских церквей и решать этот вопрос в духе того, что было предложено Собором 1917–18 гг., когда было признано возможным служение на современных языках всех народов нашей церкви, не исключая русского, украинского и белорусского, на том языке, какой выберет сам приход, получив затем на это архиерейское благословение.

Проблема уже в начале века заключалась в том, что не было хороших переводов. Те переводы, которые существовали, имели очень крупные недостатки, потому что их делали наспоро. Однако церковь пошла даже на то, чтобы закрыть на это глаза, понимая, что можно всегда улучшать и улучшать имеющиеся переводы, как это делалось прежде на протяжении веков.

Повторюсь, проблема языка богослужения должна решаться в духе Великого Московского Собора 1917–18 гг. В церкви уже есть достаточно хороший корпус переводов, и, сделав некоторые дополнительные усилия, можно было бы допустить здесь плюрализм, чтобы в монастырях богослужение совершалось на церковнославянском, в миссионерских приходах, а также и в тех, которые успешно ведут катехизацию, — на современных языках. Плюс в тех, которые сами захотят служить на современных языках. Нужно, чтобы они имели на это право без всяких дополнительных объявлений и церемоний, так как теперь есть доброкачественные переводы.

Я благодарю Бога, что свою лепту удалось внести в это дело и мне с нашим братством и Свято-Филаретовским институтом. Есть эти переводы, есть и другие, например, изданные в Петербурге хорошие переводы Юрия Рубана или Качественные переводы митр. Илариона (Алфеева). Есть очень хорошие переводы Писания, сделанные Сергеем Сергеевичем Аверинцевым, а также другие, издаваемые сейчас РБО. То есть уже есть из чего выбирать. Есть хорошие дореволюционные переводы, прежде всего, Е.И. Ловягина, я имею в виду Октоих и Триоди. Так что необходимый минимум книг имеется. Сейчас вот-вот должен выйти 7-й том нашей серии «Православное богослужение» на русском языке параллельно с церковнославянским. 7-й том

Митр. Минский и Слуцкий Филарет знакомится с новым томом переводов православного богослужения из шеститомной серии, изданной Свято-Филаретовским институтом. Минск, 2009 г.

— это Часослов, тем самым мы полностью завершаем перевод Служебника, Требника и Часослова. Может быть, надо было бы еще перевести Общую и Праздничную Минею. Октоих, Триодь Постная и Цветная, Часослов, Требник, Служебник — этого вполне достаточно для совершения нормального богослужения на русском языке. А если и не будет переводов служб каких-либо праздников, можно и на русскоязычном приходе, к примеру, совершать богослужение на церковнославянском. Не надо отрываться от корней. Надо, чтобы люди знали язык, чтобы они не противопоставляли себя другим, не превозносились над теми приходами, где богослужение будет совершаться на церковнославянском. Надо, чтобы люди, привыкшие к славянскому, могли нормально молиться на церковнославянском, а те, кто молится на русском, могли нормально, повторяю, без превозношения над другими, молиться на русском.

— *Разговор о любой проблеме церковной жизни, как правило, немедленно вскрывает еще целый ряд других проблем. Например, вопрос о языке богослужения тесно связан с вопросом о гласном чтении молитв богослужения; а разговор о катехизации неизбежно потянет за собой вопрос о необходимости христианской общины, без которой невозможно ни проводить катехизацию (потому что в нормальном случае катехизатор — это член общины), ни всерьез воцерковлять людей (потому что воцерковление — это вхождение в общину, а не прицерковление к приходу)...*

Свят. Георгий Кочетков: Я бы не стал так жестко противопоставлять одно другому. Есть в церкви место приходу, есть место общине. И должно быть место тому и другому. Мы не можем совершать в церкви никаких революций и реформ. Мы не можем совершенно отринуть приход в пользу общины, как бы ни была хороша община, потому что не все люди готовы к общинной жизни, не все будут на это согласны. Поэтому и катехизация может приводить, как мы это хорошо знаем из своей практики, на приход, хотя она, конечно, наиболее органично существует в общинно-братской среде. Но общин еще слишком мало в нашей церкви, их почти нет, поэтому мы не можем здесь спешить и, повторяю, устраивать какую-то реформу, реформацию или революцию, пусть даже во благо, пусть даже ради возобновления всех тех необходимых церкви форм жизни, которые ведут свое происхождение со времен апостольских и существовали в церкви в той или иной форме всегда.

Еще Н.Н. Неплюев показал, как разрушалась община из-за неблагоприятных

исторических условий, как она постепенно исчезала, забывалась и оттеснялась. Я думаю, очень нужно, чтобы люди знали эту историю. Она описана во втором томе издаваемых нами сейчас сочинений Николая Николаевича Неплюева, и я всем-всем рекомендую с этим материалом познакомиться по «Беседам о Трудовом братстве», как, впрочем, и с другими его замечательными произведениями.

Конечно, я не могу не согласиться с тем, что введение русского языка в богослужение повлечет за собой какие-то другие изменения, естественные, впрочем, для нашей православной традиции, в которой накопилось много нестроений, и необходимые для того, чтобы эти нестроения постепенно начали рассасываться и уходить. Только не надо здесь проявлять нетерпение. Конечно, надо знать, что надо делать в первую очередь. Да, было бы замечательно, если бы проведение всего богослужения на русском языке, прежде всего, способствовало возрождению проповеди в нашей церкви на своем историческом, каноническом месте, т.е. сразу после чтения Писания, где бы оно ни читалось, на требах или на вечерне, на утрени или на литургии. Это требование канонов, и нужно о нем вспоминать так же, как и о требовании канонов о катехизации, необходимой для крещения и для нормальной жизни в церкви всякого православного христианина, всякого верующего человека.

Конечно, кроме возрождения проповеди можно ожидать чтения анафоры, других основных молитв вслух, причем на своем естественном историческом месте, потому что эти молитвы были тоже заглушены пением хоров и ненормальной практикой произнесения только лишь окончаний славословий молитв, которые имеют наиболее таинственный характер. Они звучат, а основная часть молитвы, произносимая от имени всей церкви, почему-то от церкви скрывается! Это приводит, конечно, и к тому, что другие моменты богослужения будут восстановлены. Кроме чтения Писания лицом к народу и проповеди после него, кроме естественного гласного чтения основных молитв вместе с народом, нельзя будет не ожидать возрождения связей между людьми, молящимися в храме, и их совместной ответственности за происходящее, что могло бы выражаться и в произнесении народом «аминь», например, на анафоре, во время евхаристического канона.

Может быть, это приведет к тому, что встанет на свое место второстепенное в богослужении, которое сейчас слишком часто в сознании людей занимает главное место. Это касается некоторых акафистов или молебнов, которые являются нередко чуть ли не основной «изюминкой» в

богослужении того или иного прихода, что, конечно, вряд ли соответствует настоящей православной богослужебной традиции.

Может быть, кто-то всерьез отнесется к возгласу «Изыдите, оглашенные, изыдите...», и притворы храмов наших наполнятся теми, кто не может присутствовать на общецерковном богослужении. Плюс, если говорится «Двери, двери...», то, может быть, надо будет прикрыть (хотя, конечно, не надо закрывать на ключ, как это было в древности) двери храма. Если дьякон говорит «Возлюбим друг друга...», то надо действительно давать верным, готовящимся к причастию, целование любви и мира, иначе мира и любви всегда будет не хватать церковному народу, как это часто сейчас наблюдается на приходах.

Конечно, это повлечет за собой большую ответственность клириков. Может быть, даже снова встанет естественный вопрос ответственности всего народа Божьего за избрание клириков всех служений, всех уровней иерархии, что, конечно, возможно тоже только в общинно-братской среде, только при возрождении той ответственности за церковную жизнь, за совместную жизнь, в том числе за исполнение закона молитвы, как и закона жизни и веры каждым христианином и всеми вместе.

Вот это изменение важное, серьезное, которое можно ожидать вместе с возрождением молитвенной жизни на приходе и в общине, и в братстве церковном, что не сможет не принести новых духовных даров и новых духовных плодов для всего народа Божьего. Жизнь станет более собранной, качественной и плодотворной, и за это нельзя не поблагодарить Бога, лишь предвкушая такую возможность.

— *А откуда все это должно взяться? Как Вы думаете, откуда должны появиться в церкви ответственные, сознательные, воцерковленные миряне? С чего стоило бы начать дело воцерковления своих прихожан пастырям на приходах — с катехизации, переводов, усилий по созданию общин? По силам ли это современным священникам, которые часто заняты только тем, как добыть деньги на ремонт храма, или требовании?*

Свят. Георгий Кочетков: Если церковь снова станет свидетельствующей, если она будет заниматься преимущественно главными своими делами качественно и повсеместно, — я имею в виду и миссию, и катехизацию, и полноценное, канонически оправданное, соответствующее нашей вере богослужение, если будут возникать общины и братства, — а это может быть инициативой любого ревностного, одаренного Богом христианина, — то все остальное постепенно будет налаживаться. Одно за другое цепляется, одно без другого существовать как следует не может. Поэтому, хотя и не надо думать, что все и сразу произойдет — все и сразу никогда не произойдет, этого даже и желать не следует во избежание нетрезвости, или гордыни, или рационализма, или какой-то ущербности в жизни — тем не менее, согласно преданию церкви, все это может произойти. Мы вполне можем предвидеть настоящее возрождение церкви, которого мы, к сожалению, пока еще не видим. Мы видим только первые попытки, первые шаги на этом пути, больше связанные с осмыслением имеющегося и желательного состояния церковной жизни. Если не предаваться мечтательности или рационализму, или церковному экстремизму, какой-то гордыне, как, впрочем, и унынию от неизбежных на этом пути ошибок, препятствий и трудностей, то все с Божьей помощью произойдет силою Воскресшего Христа, силою дара Святого Духа, в Которого мы верим.

**Беседовала Наталия Игнатович
Информационная служба СФИ**